

УДК 94 (47 + 1-11)

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ И ВОСТОКА КАК ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

Г.Д. Данильченко

Рассматриваются философские взгляды ученых на проблему отношений «Запад – Россия – Восток». В основе статьи лежит понятие ориентализма, которое и определяет взаимодействие Запада и Востока. Проблема «Россия – Восток» рассматривается в рамках теории евразийства.

Ключевые слова: цивилизация; Запад; Восток; Россия; межкультурный дискурс; ориентализм; евразийство; Л.Н. Гумилев; Э.В. Саид.

RUSSIA AND THE EAST RELATIONS AS A HISTORIC-PHILOSOPHICAL PROBLEM

G.D. Danilchenko

The article describes philosophical views of scientists on the problem of "the West – Russia – the East" relations. The core of the article is the concept of orientalism that determines the West and the East interrelations. The "Russia – the East" problem is viewed within the theory of Eurasianism.

Key words: civilization; the West; the East; Russia; cross-cultural discourse; orientalism; Eurasianism; L.N. Gumilev; E.V. Said.

Русский ориентализм – это своеобразное переплетение идей Востока, пришедших с Запада, и истинно русских идей постижения философии, истории и культуры Востока, поэтому историко-философские основы проблемы «Россия – Восток» следует рассматривать в контексте проблемы «Запад – Восток», которая становится одной из ведущих научных идей XX в., формируя круг интересов философов, историков, филологов, искусствоведов и представителей других наук.

Суть дихотомии «Запад – Восток» состоит в различии способов познания мира, от которых зависят нормы и идеалы, господствующие в обществе. Восток в этой дихотомии представляет собой дряхлую цивилизацию, которая уступила место более жизнеспособной и молодой цивилизации – Западу. В многообразии восточных цивилизаций отметим особое место древнейших – китайской, индийской и арабской. В системе западной цивилизации обычно выделяют греческую, римскую, средневековую и др. Россия в этой классификации занимает особое, срединное место: располагаясь между Европой и Азией, она не только географически объединяет эти два мира, но и сочетает в себе признаки как той, так и другой цивилизации, что стало важнейшим свойством и отличительным

признаком русской цивилизации, определило пути ее исторического развития. На протяжении веков в России существовали две тенденции самоопределения: одну можно определить словами В.Г. Белинского «Россия принадлежит Европе» [1, с. 472], другую – знаменитым блоковским – «азиаты мы» [2, с. 30]. Национальная суть русского государства, русского характера и русской культуры в целом состоит в этом двуединстве: «Двуличный Янус, Русь глядела вдруг на Азию и Европу, быт ее составлял звено между оседлою деятельностью Запада и бродячею ленью Востока», – писал А. Бестужев-Марлинский [3, с. 599].

Таким образом, проблема русского ориентализма определяется, прежде всего, ее географической и психологической «межнациональностью». Одной из важнейших особенностей русской ориентальной традиции явилось переплетение прямых творческих воздействий Востока и влияние художественной ориенталистики Запада.

Истоки ориентализма можно найти еще в Древней Греции, но «эпидемия увлечения Востоком» начинается с середины XVIII в., а столетняя беспрецедентная экспансия Европы (1814–1914), позволяет говорить об ориентализме как порождении имперской традиции Запада. Это высказыва-

ние американского ученого арабского происхождения Эдварда Саида заставило многих ученых по-новому взглянуть на проблему «Запад – Восток», вновь обратиться к взглядам русских евразийцев, и в первую очередь к трудам Л.Н. Гумилева.

В XX в. с появлением труда Э.В. Саида «Ориентализм», в общественное сознание стала внедряться идея о том, что Восток – не только объект анализа в ориентализме, но и «политическая доктрина, навязываемая Востоку, потому что Восток слабее Запада» [4, с. 315]. С точки зрения Эдварда Саида, воля «фаустовского» человека к власти над Востоком и над целым миром делает Восток зависимым от «ориенталистского дискурса». Э.В. Саид утверждает, что в период эпидемии увлечения Востоком (1765–1850 гг.) можно даже говорить о «восточном Возрождении» на Западе по аналогии с античным Возрождением, которое Европа переживала с XV в., пытаясь вернуться к культуре Древней Греции и Древнего Рима. Э.В. Саид утверждает, что в это время значительное число писателей и поэтов Запада оказываются восторженными поклонниками Востока (Гете, Гюго, Флобер и др.). Речь идет об эпохе романтизма, которая проявила интерес к разным культурам, в том числе и к Востоку. Именно у романтиков возникло неприятие того, что Э. Саид называет «ориенталистским дискурсом», то есть экзотизма, отличающегося излишней вычурностью образов и положений. У романтиков это выразилось в антиэкзотизме. Романтикам удалось не столько противопоставить, сколько сопоставить Запад и Восток, что с точки зрения Ф. Шлегеля, одного из теоретиков романтизма, позволяет соединить все народы в одну семью: «В истории народов следует рассматривать жителей Азии и европейцев как членов одной семьи, историю которых нельзя разделять, если хотят понять целое» [5, с. 721].

Весь XX и начало XXI в. прошли под знаком равенства мировых цивилизаций, борьбы за идею равноправной значимости всех существующих цивилизаций и пересмотра научного отношения к понятию «ориентализм».

Запад открыл для себя Восток еще в эпоху Крестовых походов. Идея Востока как края неисчерпаемых богатств породила политику колониализма. Восток на многие века стал рассматриваться как сырьевой придаток Запада, чему способствовали идеи о миссионерской роли «белого человека». Преувеличение собственной значимости, присущее европейцам «фаустовской» культуры, с точки зрения Э. Трельяна, способствует тому, что «в европейском мышлении всегда присутствует завоеватель, колонизатор и миссионер» [6, с. 608]. История развития отношений Запада и Востока на протяжении последних десяти веков свидетельству-

ет о благополучном внедрении в сознание человечества превосходства западного человека над всем остальным миром. Западный тип культуры создает цивилизации, в которых главными ценностями становится идея свободной личности, идея равенства всех людей, живущих в свободном обществе. Особое звучание эти идеи получают в литературном процессе, где на многочисленных примерах, которые дает сама жизнь, читателю представляются важнейшие столкновения между героями, народами и цивилизациями, воплощающими разные культурные миры. Трактовка событий, которыми наполнена история взаимодействия разных народов в разные века, отличается собственной спецификой, которая зависит, в том числе, и от господствующих литературных направлений. Именно на этой специфической черте мы бы и хотели остановиться. От экзотического увлечения Востоком в фило-ориентальных произведениях через Просветительские взгляды и романтическое освоение Востока литературой XVII–XVIII вв. – к реалистическому и современному модернистскому и постмодернистскому концепциям XIX–XXI вв. – таков путь постижения Востока западноевропейской литературой.

Особое место в этой концепции занимает русская литература. Как утверждает Н.А. Хренов, «историю попыток взаимного понимания культур Запада и России можно представить историей непонимания. Но это непонимание улавливается не только между Западом и Россией, но и между Западом и Востоком» [7, с. 85]. С одной стороны, русская литература проходит те же этапы в постижении Востока, что и европейская, но со своими особенностями. С другой, поднимая проблему отношения России к Востоку и Западу, нельзя не учитывать такого направления в общественной жизни, как евразийство.

Одним из признанных в научном мире евразийцев является Лев Николаевич Гумилев. Взгляды Гумилева до недавнего времени не были известны широкой научной общественности. Современное состояние исторической науки позволяет нам по достоинству оценить точку зрения Л. Гумилева на проблему «Россия – Восток». Предметом внимания Л.Н. Гумилева является российская история. Он уверен, что движение истории во многом зависит от взаимоотношений между разными народами. Поэтому, рассматривая историю России, он большое внимание уделяет Востоку, который с его точки зрения во многом определяет историю России. В этом и проявляется его евразийство, ибо эта теория была связана с выявлением восточных корней России, ее включенности в Евразию. Л.Н. Гумилев не употребляет термина ориенталистский дискурс, но принижение Востока, создание негативного об-

раза Востока, – все то, что Э. Саид считает особенностью (принадлежностью) ориенталистского дискурса, вызывает у Л. Гумилева неприятие. Он пишет: «В странах Западной Европы предубеждение против неевропейских народов родилось давно. Считалось, что азиатская степь, которую многие географы начинали от Венгрии, другие – от Карпат, – обиталище дикости, варварства, свирепых нравов и ханского произвола. Взгляды эти были закреплены авторами XVIII в., создателями универсальных концепций истории, философии, морали и политики. При этом самым существенным было то, что авторы эти имели об Азии крайне поверхностное и часто превратное представление. Все же это их не смущало, и их взглядов не опровергали французские или немецкие путешественники, побывавшие в городах Передней Азии или Индии и Китая» [8, с. 602].

В соответствии с ориенталистским дискурсом Россия тоже воспринималась продолжением Востока, то есть пространством дикости и варварства. Л. Гумилев пишет: «К числу дикарей, угрожавших единственно ценной, по их мнению, европейской культуре, они причисляли и русских, основываясь на том, что 240 лет Россия входила в состав сначала Великого Монгольского улуса, а потом Золотой Орды. Эта концепция была по-своему логична, но отнюдь не верна» [8, с. 603]. Анализируя отношения Руси, Востока и Запада времен Александра Невского, Л. Гумилев, следуя своей теории пассионарности, видит эту проблему как выбор Руси между переживающими всплеск пассионарности монголами и католическим Западом. С точки зрения Л.Н. Гумилева, Русь в это время переживала упадок, а монголы и рыцарская Европа находились на пике своей пассионарности. Уже тогда стояла проблема выбора между Европой, которая желала уничтожить православие и приобщить Русь к католицизму, и монголами, которые достаточно лояльно относились к религиозному выбору Руси.

Выбор монголов в качестве своих покровителей в борьбе с Западом, помог бы Руси сохранить православие, а, следовательно, и свою идентичность. Русь выбрала монголов и сохранила свою веру, потому что монголы демонстрировали веротерпимость к православию и культурной самобытности русского народа, чего нельзя сказать о католическом Западе, целью которого было подчинение православия католичеству. Выбор, который сделала Русь, отодвинул ее от Запада и приблизил к Востоку, но именно благодаря этому Русь сохранила свою самобытность и веру.

Евразийский дискурс объединил в себе отечественную научную системность, проявившуюся, по мнению А.Б. Панченко, в следующем: «1) евра-

зийская концепция объединила в единую систему достижения философии, естественных наук и народоведения; 2) евразийцы рассматривали как единую сложную систему взаимодействия человека, среды и веры» [9, с. 103–104].

Достижения русской культуры и русского искусства, особенно на рубеже XIX–XX вв., были весьма значительными. Многие исследователи культуры этого периода считают его временем славянского или русского ренессанса (Н. Бердяев, Д. Мережковский, В. Брюсов и др.). Особый интерес этот период вызывает с точки зрения отношений между русской культурой и восточными культурами. Идеи и образы, возникшие в это время, обладают огромной силой воздействия на русскую мысль и русское искусство вплоть до сегодняшнего дня.

Пик этого интереса к Востоку приходится на период рубежа XIX–XX вв. Усиливающаяся активность традиций романтизма во многом способствовала развитию этого интереса. Появившийся в это время символизм, который часто называли неоромантизмом, унаследовал и традиции новой французской поэзии, и немецкого романтизма, многого другого. Он явил собой новый синтез западных и восточных традиций.

Идеи культурного синтеза ярко проявились в творчестве Николая Рериха. Исследователи отмечают не только интерес художника к отечественной праистории, но и к скифской стихии, без чего этой праистории не существует. Так, русский искусствовед А.И. Гидони писал: «Рерих шел от «варягов», жадно воспринимая восточную красоту, откуда бы она ни была принесена, – из эмалевой Византии, от монгольских степей или «заманчивым индийским путем» [10, с. 21]. У Н. Рериха отсутствует отрицательная оценка монголов. В одной из своих работ Н. Рерих пишет: «Из татарщины, как из эпохи ненавистной, время устребило целые страницы прекрасных и тонких украшений Востока, которые внесли на Русь монголы. О татарщине остались воспоминания только как о каких-то мрачных погромах. Забывается, что таинственная колыбель Азии вскормила этих диковинных людей и повела их богатыми дарами Китая, Тибета, всего Индостана. В блеске татарских мечей Русь вновь слушала сказку о чудесах, которые когда-то знали хитрые арабские гости Великого пути и греки» [11, с. 124]. В своей статье 1914 г. «Радость искусству» Н. Рерих утверждает, что кроме идеи о монголо-татарском нашествии, остановившем развитие Руси на несколько веков, может существовать и иная точка зрения на присутствие татар на Руси, чем опережает и евразийцев, и Гумилева.

Таким образом, проблема «Россия – Восток» должна исследоваться в структуре парадигмы «За-

пад – Россия – Восток», в которой Россия занимает важное, срединное положение. Историко-фило-софские корни этой проблемы всесторонне рас-крыты учеными-евразийцами, рассматривающи-ми ее в контексте равноценности культур Запада и Востока. Прогрессивный характер данного под-хода позволяет с философских позиций объяснить необходимость диалога культур как основы меж-культурной коммуникации.

Литература

1. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 8 / В.Г. Белинский. М., 1955.
2. *Блок А.* Скифы // Собр. соч.: в 8 т. Т. 3 / А. Блок. М.; Л., 1960.
3. *Бестужев-Марлинский А.А.* О романе Н. Поле-вого «Клятва при гробе господнем» // Бестужев-Марлинский А.А. Соч.: в 2 т. Т. 2 / А.А. Бесту-жев-Марлинский. М., 1958.
4. *Саид Э.В.* Ориентализм: Западные концепции Востока / Э.В. Саид. СПб., 2006.
5. *Шлегель Ф.* Эстетика. Философия. Критика. Т. 2 / Ф. Шлегель. М., 1983.
6. *Трельч Э.* Историзм и его проблемы / Э. Трельч. М., 1994.
7. *Хренов Н.А.* Идеи Л.Н. Гумилева на фоне ориен-талистского дискурса / Н.А. Хренов // Наследие Л.Н. Гумилева и судьбы народов Евразии: исто-рия, современность, перспективы. СПб., 2012.
8. *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь / Л.Н. Гумилев. М., 1992.
9. *Панченко А.Б.* Л.Н. Гумилев среди евразийцев: к вопросу о преемственности взглядов / А.Б. Пан-ченко // Наследие Л.Н. Гумилева и судьбы наро-дов Евразии: история, современность, перспек-тивы. СПб., 2012.
10. *Гидони А.* Творческий путь Рериха / А. Гидони // Аполлон. 1915. № 4–5.
11. *Рерих Н.К.* Собр. соч. Кн. 1 / Н.К. Рерих. М.: Изд-во И.Д. Сытина, 1914.